

В клубе «Только стихия, только поэзия»

22 мая 2013 года.

Собрались в 412-ый раз!!!



Виктор Мирочник рассказал про праздник Шавуот

15 мая в этом году иудеи празднуют Шавуот (день дарования Торы)

Шавуот — праздник дарования Торы, то есть нравственного закона, свободному еврейскому народу. Он отмечается 6-го числа еврейского месяца сиван и является в Израиле выходным днем.

На иврите слово «шавуот» означает «недели» — семь недель, отсчет которых начинается со второго дня Песаха. По преданию, в этот день Моисей получил на горе Синай скрижали Завета с десятью заповедями. Заповеди содержат основы всей человеческой морали, без которой не может обойтись ни один народ и ни один человек. Кроме того, Моисей получил устные заповеди, часть которых записал (получился свиток Пятикнижия — Письменная Тора), а часть — Устная Тора — были записаны только через 1500 лет, после разрушения Второго Храма. Запись Устной Торы представляет собой многотомное произведение — Талмуд, а также много других книг, в свою очередь объединенных общим названием Мидраш.

Как и многие другие еврейские праздники, Шавуот отмечает не только определенное историческое событие, но и наступление нового сезона года, завершение очередного сельскохозяйственного цикла. Шавуот праздновался в начале сезона жатвы пшеницы. Это последний из трех паломнических праздников. В древности в этот день в Храме делали второе приношение пшеницы нового урожая. Из пшеницы свежего помола выпекали два карава и несли их в

Храм. Другой жертвой были самые лучшие первые плоды, первые фрукты.

В наши дни в Шавуот в синагогах выносят свиток Торы и читают рассказ о том, как она была дарована, текст десяти заповедей и фрагмент, рассказывающий о законах празднования Шавуот в Храме. Существует также традиция в канун праздника всю ночь читать Тору.

Праздничная трапеза в Шавуот обязательно включает молочную и мучную пищу: сыр, творог, сметану, блинчики с творогом, пироги, торты, коврижки с медом, вареники, пирожки или блины с сыром. Этот обычай берет начало со дня вручения Торы. Вернувшись в лагерь от горы Синай, евреи довольствовались молочной пищей. С тех пор, отдавая дань прошлому, на Шавуот перед обедом едят что-либо молочное и лишь затем в отдельной посуде подают праздничные мясные блюда.

В сельскохозяйственных поселениях и в кибуцах Шавуот — это веселый праздник урожая, когда созревают зерновые и первые плоды, в том числе и семь видов, упомянутые в Торе: пшеница, ячмень, виноград, инжир, гранаты, маслины и финики. Дети идут в школу или в детский сад с венками на головах и с корзинками, полными свежих фруктов. Синагоги и дома украшают зелеными ветвями и гирляндами цветов и фруктов, окна домов — бумажными аппликациями. Поэтому в канун праздника и дети, и взрослые заняты вырезанием.

Некоторые достигают в этом искусстве такого совершенства, что их аппликации выглядят как настоящие картины.

Выпускники еврейских религиозных школ, а также высших учебных заведений заканчивают занятия и получают аттестаты и дипломы в канун праздника Шавуот. Этот праздник символизирует приобщение к истинному Завету не только евреев, но и представителей других народов. В этот день в синагоге читают также книгу Библии Мегилат Рут. Рут была моавитянкой, перешедшей в еврейство, и стала прабабушкой царя Давида, поэтому существует обычай в праздник Шавуот посещать могилы царей из дома Давида.



Шагалова Марина тоже рассказала про этот праздник
«Молчат гробницы, мумии и кости, -
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь письма.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь».

Бунин

«Сотни миллионов людей выросли на библейских рассказах, и даже те, кто не знает дороги в синагогу или церковь, бережно хранит в душе уроки и сюжеты великой книги всех времён и народов: рассказы о замечательных свершениях, о добре и зле, о божественных чудесах, глубокой вере, трагедиях людей, гибели и возрождении. Пусть каббалисты и кибернетики, астрологи, искатели вечных и новых истин разгадывают тайнопись, коды и т. п. Мне же хочется обратить внимание на то, как звчки псалмов, молитв, преданий, легенд, любовных песен и размышлений о смысле жизни вдохновляли поэтов, художников, музыкантов разных эпох и народов. Каждое время искало в Танахе отклики на свои проблемы»



Мирочник Виктор прочёл стихи и рассказал о поэтах:



ЗЕНКЕВИЧ, МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1886–1973), русский поэт, прозаик, переводчик. Родился 21 мая 1886 в с. Николаевский Городок Саратовской губ. в семье коллежского советника, преподавателя математики Мариинского земледельческого училища. Мать Зенкевича также преподавала в гимназии. В 1903 семья переехала в г. Горки Могилевской губ., т.к. после студенческих волнений отец был объявлен неблагонадежным и переведен на службу в Горецкое земледельческое училище. В 1904 Зенкевич окончил гимназию в Саратове и на два года уехал в Германию, где изучал философию в университетах Берлина и Йены. В том же году три его стихотворения были опубликованы в саратовском журнале «Жизнь и школа» за подписью «Мих. З-ичь». В 1907 вернулся в Петербург. С 1908 стихи Зенкевича начали появляться в петербургских журналах «Весна»,

«Современный мир», «Образование», «Заветы» и др. В 1909 произошло его знакомство с Н.Гумилевым, по рекомендации которого его стихи были опубликованы в журнале «Аполлон». В 1911 Зенкевич стал

активным участником первого «Цеха поэтов», руководимого Гумилевым, в который входили О.Мандельштам, А.Ахматова и В.Нарбут. Поэтическая книга Зенкевича *Дикая порфира* (1912) была одной из первых книг издательского товарищества «Цех поэтов». Вошедшие в эту книгу стихи отвечали творческим принципам акмеизма: поэт обращался к первоначальным стихиям, его взгляд был устремлен на землю, воду, огонь, камни, металлы. Действующими лицами стихов становились также древние и фантастические животные – ящеры и махайродусы. Лирический герой Зенкевича сознавал свое родство не только со стихиями, но и со многими историческими эпохами: в стихах появлялись князья «в стремнах раззолоченных» (*На Волге*), слепцы, напоминающие о судных трубах и архангелах (*Слепцы*) и др. Вместе с тем поэт описывал реальные места и события – родные волжские берега, родительский дом. *Дикая порфира* была высоко оценена критикой, в периодической печати в течение года появилось более 20 рецензий и отзывов. Вас. Гиппиус считал, что в книге Зенкевича «значительно и ново прежде всего его ощущение мира, проникновение в то, что Баратынский называл «дикой порфирой» природы, а Вл. Соловьев – «грубою корою вещества». По мнению рецензента, стих Зенкевича «насыщен и груб, часто намеренно груб, но именно потому он иногда достигает большой изобразительности». С.Городецкий написал о том, что поэзия Зенкевича проникнута пытливым духом современной науки. На книгу откликнулись В.Брюсов, Вяч. Иванов, который счел ее «доказательством возможностей крупного дарования», и др. видные писатели. *Дикая порфира* оказала влияние на творчество многих поэтов – И.Сельвинского, Э.Багрицкого, Н.Тихонова, Г.Оболдуева и др.

ТЕМНОЕ РОДСТВО

О темное, утробное родство,
Зачем ползешь чудовищным последом
За светлым духом, чтоб разумным бредом
Вновь ожило все, что в пластах мертво?
Земной коры первичные потуги,
Зачавшие божественный наш род,
И пузыри, и жаберные дуги -
Все в сгустке крови отразил урод.
И вновь, прорезав плотные туманы,
На теплые архейские моря,
Где отбивают тяжкий пульс вулканы,
Льет бледный свет пустынная заря.
И, размножая легких инфузорий,
Выращивая изумрудный сад,
Все радостней и золотистой зори
Из облачного пурпура сквозят.

И солнце парит топь в полдневном жаре,
И в зарослях хвощей из затхлой мглы
Возносятся гигантских сигиллярий
Упругие и рыхлые стволы.
Косматые - с загнутыми клыками -
Пасутся мамонты у мощных рек,
И в сумраке пещер под ледниками
Кремень тяжелый точит человек...

НАЙДЕНЫШ

Пришел солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Через край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жены!
Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголек
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся девочка лет трех.
- Ты что сидишь тут? Вылезай.-
Молчит, глядит во все глаза,
Пугливее зверенышка,
Светлей кудели волоса,
На васильках - роса - слеза.
- Как звать тебя? - "Аленушка".
- "А дочь ты чья?" - Молчит...- Ничья.
Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белою березопькой.
- "А мамка где?" - "Укрылась в рожь.
Боится, что ты нас убьешь..."
Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжел
Молчит солдат, в окно глядит,
Туда, где тропка вьется вдаль.
Найденыш рядом с ним сидит,
Над сердцем теребит медаль.
Как быть?
В тумане голова.
Проходит час, а может, два.
Солдат глядит в окно и ждет:
Придет жена иль не придет?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешевым блеклым ситчиком...
Взглянул:
у притолоки жена
Стоит, потупившись, бледна...
- Входи, жена! Пеки блины.

Вернулся целым муж с войны.
Былое порастет быльем,
Как дальняя сторонушка.
По-новому мы заживем,
Вот наша дочь - Аленушка!

УДАВОЧКА

Эй, други, нынче в оба
Смотрите до зари:
Некрашенных три гроба
Недаром припасли,
Помучайтесь немножко,
Не спите ночь одну.
Смотрите, как в окошко
Рукой с двора махну.
У самого забора
В углу там ждет с листом
Товарищ прокурора
Да батюшка с крестом.
И доктор ждет с часами,
Все в сборе - только мать
Не догадались сами
На проводы позвать.
Знать, чужая - день цельный
Просилась у ворот.
Пускай с груди нательный
Отцовский крест возьмет.
Да пусть не ищет сына,
Не сыщет, где лежит.
И саван в три аршина,
И гроб без мерки сшит.
Эй, ты, палач, казенных
Расходов не жалея:
Намыль для обряженных
Удавочку жирней!
Потом тащи живее
Скамейку из-под ног,
Не то, гляди, у шеи
Сломаешь позвонок.
А коль подтянешь ловко,
Так будет и на чай:
По камерам веревку
На счастье распродай.

ПЯТЬ ЧУВСТВ

Пять материков, пять океанов
Дано моей матери, и я пятью
Лучезарными зеркалами в душу волью
Солнечный ветер млечных туманов.
Приниженное искусствами Осязанье,
Ты царственной остальных пяти:
В тебе амеб студенистое дрожанье
И пресмыкающихся слизкие пути.

Мумму Тиамат, праматерь слепая
Любовного зуда, в рыбу дыру
Растерзанной вечности, не она ли, слипая
Катышами, метала звездную икру...
И вы, близнецы расщепленного рода,
Неразделимые - кто древнее из двух -
Присосы, манящие в глубь пищевода,
Или музыкой ароматов дрожащий нюх.
В вас прыжок электрический на кошачьих лапах,
Беспокойная вскинутость оленьего венца,
Прохлада источников и мускусный запах
Девственной самки, зовущей самца.
И вы, последние, нежные двое -
Зрение и Слух,- как млечный туман,
Без границ ваше царство радужное огневое,
Бушующий энергиями эфирный океан.

ЖЕНЩИНЕ

Хоть отроческих снов грехи
Средь терпких ласк ей не рассказаны,
Но с женщиной тайно связаны
Струнами зычных мышц стихи.
Как в детстве струи жгли хрустальные
И в зное девочки, резвясь,
Рядили холмики овальные,
Как в волоса, в речную грязь.
Мне акробаток снилась лестница
Под куполом, и так легко
На мыльный круп коня наездница
С размаха прыгала в трико.
И помню срамные видения,
И в гари фабрик вечера,
Но я люблю тебя не менее,
Чем робким отроком, сестра.
Сойди, зрачками повелительных
И нежных глаз разрушь, разъяв,
Сцепленье жвачных глыб, стремительных
Средь вод, и зарослей, и трав.
Пусть дебрей случных мы наследники,
Вновь наши райские сады,
Неси же в лиственном переднике,
Как Ева, царские плоды

ЗОЛОТОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

О, прости, о прости меня, моя Беатриче
Без твоего светоносного тела впереди
Я обуздывал тьму первозданных величий,
Заколял, как на вертеле, сердце в груди.
И я с ордами мыкался. Кормясь кониной,
В войлок сваленной верблюжьим потником,
От пожарищ, пресыщенный лаской звериной
На арканах пленниц гнал косяком.
А ты все та же. В прозрачной одежде

С лебедями плескаешься в полдень в пруду,
Твои груди - мимозы и сжимаются прежде,
Чем я кудрями к ним припаду.
Вот смотри - я, твой господин я невольник,
Меж колен раздвинув передник из роз.
Целую на мраморе царственный треугольник
Нежно курчавящихся золотых волос.



Тэффи (21.05.1875-6.10. 1952)

Было время, когда книги Тэффи пользовались необыкновенной популярностью. «Ее считают самой занимательной и «смешной» писательницей и в длинную дорогу непременно берут томик ее рассказов»¹, — писал Михаил Зощенко. Увы, несколько поколений в нашей стране были лишены возможности познакомиться с произведениями Тэффи. И даже имя это многим из современных читателей, к сожалению, неизвестно. Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой (в замужестве — Бучинской), родившейся 9 (21) мая 1872 г. в Петербурге в семье известного адвоката, профессора уголовного права А. В. Лохвицкого. Автор нескольких книг по юриспруденции, множества статей, издатель и редактор «Судебного Вестника», он славился также остроумием и ораторскими способностями. «Детство мое прошло в большой обеспеченной семье, — вспоминала Тэффи. — Воспитывали нас по-старинному — всех вместе на один лад. С индивидуальностью не справлялись и ничего особенного от нас не ожидали». Однако подобное воспитание «на один лад да»ло неожиданные результаты. В семье выросли две известные писательницы — поэтесса Мирра Лохвицкая, которую называли «русской Сафо», и Тэффи. Старший брат — Николай — стал генералом, во время первой мировой войны командовал русским экспедиционным корпусом во

Франции. С юных лет Надежда увлекается литературой. Среди ее любимых книг — произведения А. С. Пушкина, «Детство» и «Отрочество», «Война и мир» Л. Н. Толстого. Девочкой она даже ходила к Льву Толстому в Хамовники — хотела попросить «не убивать» князя Болконского, но испугалась и не решилась заговорить с писателем. С интересом следили в семье за «новой» литературой. Художник-«мирискусник» Александр Бенуа, друживший с Надеждой, писал, что именно от сестер Лохвицких он впервые услышал о Дмитрие Мережковском. Нравилась Наде и поэзия Бальмонта. Еще в гимназии сестры начинают писать стихи. Они мечтают стать знаменитыми писательницами, но на семейном совете принимается решение, что не следует выступать в печати одновременно, дабы не было зависти и конкуренции. Первое место предназначалось старшей из них — Марии, публиковавшейся под именем Мирры Лохвицкой. «Второй выступит Надежда, а потом уж я, — рассказывала в 1887 г. И. И. Ясинскому младшая сестра, тринадцатилетняя Елена. — И еще мы уговорились, чтобы не мешать Мирре, и только когда она станет знаменитой и, наконец, умрет, мы будем иметь право печатать свои произведения, а пока все-таки писать и сохранять, в крайнем случае для потомства». И действительно, Надежда Лохвицкая начала систематически печататься лишь в 1904 г., немногим более чем за год до смерти Марии (в августе 1905 г.), притом подписываясь псевдонимом — Тэффи. Псевдоним был взят из сказки Р. Киплинга «Как было написано первое письмо», где так ласково звали маленькую дочку первобытного человека, чье полное имя: «Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлепать-за-то-что-она-такая-шалунья». С детства любившая рисовать карикатуры и сочинять сатирические стихотворения, Тэффи начинает писать фельетоны. Очень популярный в начале века жанр привлекал публику злободневностью, четко выраженной авторской позицией, полемичностью, остроумием. Особенно выделялись газетные фельетоны, ибо в ежедневных изданиях, не подлежавших предварительной цензуре, легче было печатать резко критические произведения. В 1904 г. Тэффи сотрудничала в столичных «Биржевых Ведомостях». «Газета эта бичевала преимущественно «отцов города, питавшихся от общественного пирога», — вспоминала писательница, уже будучи в эмиграции. — Я помогала бичевать».

БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.
Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает -
Взор горящий и недвижимый.
Деве томно, деве странно,

Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.
А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.
"Кто ты? - молвила,- откройся!
Хочешь - я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?"
Отвечал он: "Недосуг мне.
Я агент. Служу в охранке
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке".
<1911>

* * *

На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани,
ведут три каменных ступени на крыльцо.
В тяжелой двери медное кольцо.
Над дверью барельеф - меч и головка лани,
а рядом шнур, ведущий к фонарю.
На острове моих воспоминаний
я никогда ту дверь не отворю!..

ТОСКА

Не по-настоящему живем мы, а как-то "пока",
И развилась у нас по родине тоска,
Так называемая ностальгия.
Мучают нас воспоминания дорогие,
И каждый по-своему скулит,
Что жизнь его больше не веселит.
 Если увериться в этом хотите,
Загляните хотя бы в "The Kitty".
Возьмите кулебяки кусок,
 Сядьте в уголок,
Да последите за беженской братией нашей,
Как ест она русский борщ с русской кашей.
Ведь чтобы так - извините - жрать,
 Нужно действительно за родину-мать
 Глубоко страдать.
И искать, как спириты с миром загробным,
Общения с нею хоть путем утробным.

* * *

Когда я была ребенком,
Так девочкой лет шести,
Я во сне подружилась с тигренком -
Он помог мне косичку плести.
И так заботился мило
Пушистый, тепленький зверь,

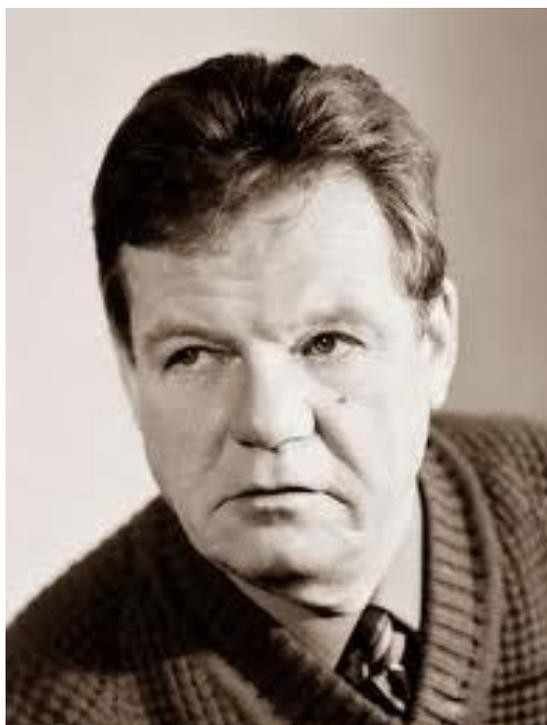
Что всю жизнь я его не забыла,
Вот - помню даже теперь.
А потом, усталой и хмурой -
Было лет мне под пятьдесят -
Любоваться тигриной шкурой
Я пошла в Зоологический сад.
И там огромный зверище,
Раскрыв зловонную пасть,
Так дохнул перегнившей пищей,
Что в обморок можно упасть.
Но я, в глаза ему глядя,
Сказала: "Мы те же теперь,
Я - все та же девочка Надя,
А вы - мне приснившийся зверь.
Все, что было и будет с нами,
Сновиденья, и жизнь, и смерть,
Слиты все золотыми звездами
В Божью вечность, в недвижную твердь".
И ответил мне зверь не словами,
А ушами, глазами, хвостом:
"Это все мы узнаем сами
Вместе с вами. Скоро. Потом."

* * *

А еще посмотрела бы я на русского мужика,
Хитрого, ярославского, тверского кулака,
Чтоб чесал он особой ухваткой,
Как чешут только русские мужики -
Большим пальцем левой руки
Под правой лопаткой.
Чтоб шел он с корзинкой в Охотный ряд,
Глаза лукаво косят,
Мохрится бороденка:
- Барин! Купи куренка!
- Ну и куренок! Старый петух.
- Старый?! Скажут тоже!
Старый. Да ен, може,
На два года тебя моложе!

* * *

Есть в небесах блаженный сад у Бога,
Блаженный сад нездешней красоты.
И каждый день из своего чертога
Выходит Бог благословить цветы.
Минует всё - и злоба и тревога
Земных страстей заклётой суеты,
Но в небесах, в саду блаженном Бога
Они возрастают в вечные цветы.
И чище лилий, ярче розы томной
Цветет один, бессмертен и высок -
Земной любви, поруганной и темной
Благословенный, радостный цветок.



22 мая 2005 года исполнилось 100 лет со дня рождения поэта Леонида Николаевича Мартынова. Он ушел из жизни 21 июня 1980 года, оставив в своем архиве стихи для поэтических книг, которые рассчитывал издать, и новеллы-воспоминания для третьей книги мемуарной прозы. При жизни Леонида Николаевича часто спрашивали, как он работает. В одной анкете, отвечая на такой вопрос, Мартынов писал: "...Просто стараюсь как можно точнее выразить в словах то, что ощущаю, переживаю, вижу, слышу, то, чем восхищен или чем возмущен. Так было всегда, так, надеюсь, будет и впредь... Мне кажется, что надо следовать системе: сперва отрежь, потом отмерь, в чем писательский труд, труд художников слова, отличен от труда работников прилавка, хотя и среди них есть художники своего дела. То есть сначала напиши что можешь, чтоб ничего не ускользнуло, насколько можешь вырази себя, а затем, посмотрев, сколько у тебя нагой простоты, густоты, метафоричности, разговорности, характерности, книжности и литературности — выкинь книжность и литературность в верленовском отрицательном их понимании и, критически перечитав все оставшееся, думай о том, пора ли предлагать это в печать или надо повременить потому, что еще не хватает ясности". Об этом же в его стихотворении "Когда стихотворенье не выходит":

"...Не то что стихотворец не находит
Каких-то слов, своих иль не своих, —
О нет! Концы с концами он не сводит
Совсем в другом: не может он понять,
Что в данное мгновенье происходит,
И на слова тут нечего пенять,
И лишь вокруг да около он ходит,
И речь его мутна, пресна, темна...
Когда ж непонимание проходит
И суть вещей становится ясна —

Творимое на музыку походит,
Понятную как будто и без слов..".

Предлагаемые стихи печатаются впервые, они не датированы, написаны в разные годы. Чаще всего в рукописях его стихов дат нет, лишь готовя собрание своих сочинений, он расставлял их, порой приблизительные. В этом мне пришлось убедиться при подготовке тома для Большой серии "Библиотеки поэта", вышедшего в Ленинграде в 1986 году, где многие даты уточнены: сам поэт порой указывал даты более поздние, чем стихотворение было напечатано в периодике. Да он и сам ведь писал:

"Даты
Расставляются
Не без труда!"

("Даты"). Работая над стихотворением, Мартынов не правил начатую рукопись, он снова и снова начинал писать заново. К большой части стихотворений в архиве есть варианты и черновики разной степени законченности, потому что если Леонид Николаевич не был удовлетворен результатом и возвращался к вещи, он не сверялся с написанным текстом, а заново писал по памяти. В процессе работы стихотворение менялось, оно могло увеличиваться, а могло и уменьшаться, но иногда из небольшого наброска в дальнейшем получалось два или несколько стихотворений. Иногда Мартынов возвращался и к напечатанным вещам, внося в них дальнейшие изменения. Но есть и стихи, которые написаны были сразу с начала и до конца. Так во время поездки в Италию в записной книжке, наряду с набросками, появилось стихотворение "Стикс", которое позже без всяких изменений вошло в книгу. Сама техника поэтического письма для Мартынова никогда не была препятствием. Размышляя в своей записной книжке о Френсисе Бэконе, над поэмой о котором он тогда работал, Мартынов периодически заносит свои мысли стихотворным текстом — часть его потом вошла в поэму в неизменном виде. Да и будучи еще молодым корреспондентом и работая над заметкой, он частенько поначалу выражал основную мысль стихотворением и лишь потом превращал ее в газетную прозу. Примером тому стихотворения "Чаны", "Сад Комиссарова", "Полет над Барабой"...

ЛИСТЬЯ

Они
Лежали
На панели.
И вдруг
Они осатанели
И, изменив свою окраску,
Пустились в пляску, колдовские.
Я закричал:
- Вы кто такие?
- Мы - листья,
Листья, листья, листья! -

Они в ответ зашелестели,-
Мечтали мы о пейзажисте,
Но, руки, что держали кисти,
Нас полюбить не захотели,
Мы улетели,
Улетели!

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!
Она
Блистала
Столь чиста,
Что - ни напиться,
Ни умыться,
И это было неспроста.
Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.
Ей
водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.
Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало -
Чистой,
Дистиллированной
Воде!
1946

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером,
Сказал:- Не жди. Дела...
Шел первый снег. И улица
Была белым-бела.
В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.
"Дела...- твердил он мысленно,-
И не моя вина".
Но позвонил он с площади:
-Ты спишь?
-Нет, я не сплю.
-Не спишь? А что ты делаешь?-
Ответила:
-Люблю!
...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви черные

И черные стволы,
И все портьеры черные
И серые углы,
И кресла чернобурые,
Толпясь, молчат вокруг...
Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!
Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.
Она спросила:
-Что это?
Сказал он:
-Первый снег!
1946

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые -
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?
1945

* * *

Мне кажется, что я воскрес
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес
Нормальный рост, нормальный вес
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И все-таки я Геркулес.

ЭХО

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!
1955



Межиров Александр (26.09.1923 – 22.05.2009). С 1992 в США.

Александр Межиров говорил младшему собрату (назовем его Ф.): "— В ваших стихах есть отвага и нет оглядки. Цветаева гениальный поэт, но учиться полезней у Ахматовой." Разговор состоялся около тридцати лет назад. У Ф. были трудности с выходом первой книги, добрые люди передали его рукопись Межирову — тот откликнулся короткой насыщенной рецензией, пара абзацев из которой потом стала предисловием к вышедшей-таки книге. Выбор мастера происходит по любви. Ф. прочел в "Неделе" вот эти стихи: "Обессилел, ослеп и обезголосел, — Мне искусство больше не по плечу. Жизнь, открой мне тайну своих ремесел, — Быть причастным таинству я не хочу. Да будут взоры мои чисты и невинны, А руки натружены, тяжелы

и грубы. Я люблю черный хлеб, деревянные ложки и миски из глины, И леса под Рязанью, где косами косят грибы". К той поре Межирова уже знали в стране. Он написал "Балладу о цирке" и "Календарь", а впереди были "Серпухов", "Прощание с Юшиным", его шедевры. Он никогда не был на авансцене. Это была слава особого свойства — едва ли не внутрицеховая. Однако Ф. своими ушами в конце 60-х слышал, как студенты под гитару пели "Артиллерия бьет по своим" на палубе судна в районе острова Шикотан. Двадцатилетним поэтам тогда было известно, что Евтушенко взлетел с ладони Межирова, — это не совсем или совсем не отвечало действительности. Но такова была легенда. Легенда — житейский жанр Межирова. Странное было время. В.Кожин напечатал статью о Межирове как о трагическом поэте современности, а Ст.Куняев говорил тому же Ф.: "— Пастернак — мост между Блоком и Межировым". Межиров протянул юному честолюбцу томик Анненского и попросил с листа прочесть "Куклу" — ему было важно проверить слух и голос гостя. Позже — через годы — Межиров написал: "Я тебе подарил только звук, Только сущность поэзии темной". Это не относилось напрямую к Ф., но у Межирова в учениках и обкрадывателях были и А., и Я., и несть им числа, и лишь потому здесь упоминается Ф. "Мастера — особая Поросль. Мастера! Мастером попробую Сделаться. Пора!" Многие клюнули на межировскую мнимую самооценку.

ВЕТРОВОЕ СТЕКЛО

Проснуться в восемь
И глядеть в окно.
Весна иль осень -
Это все равно.
Лишь только б мимо,
Всюду и всегда,
В порывах дыма
Мчались поезда.
А лучше нету
Доли кочевой -
По белу свету
В тряской грузовой.
Чтоб ливень, воя,
Падал тяжело
На ветровое
Мокрое стекло.
Я жил собой
И всеми вами жил,
Бросался в бой
И плакал у могил.
А время шло,
Мужая и борясь,
И на стекло
Отбрасывало грязь.
Я рукавом
Стирал ее во мгле

На ветровом
Исхлестанном стекле.
Я так люблю
Дорогу узнавать,
Припав к рулю
О многом забывать!
В метель, в грозу,
Лишь руку подыми,
Я подвезу -
Бесплатно - черт возьми!
Тебя бесплатно
Подвезти клянусь,
Зато обратно
Больше не вернусь.
Всегда вдвоем,
Довольные судьбой,
Мы не даем
Покоя нам с тобой.
И смотрят двое
Весело и зло
Сквозь ветровое
Грязное стекло.

* * *

Не обладаю правом впасть в обиду.
Мой долг... Но я, ей-богу, не в долгу.
По лестнице сбегу. На площадь выйду.
Проталины увижу на снегу.
Тебя не вправе упрекнуть в измене,
По всем счетам я заплатил сполна,-
И праздную свое освобожденье,-
А на снегу - проталины. Весна.

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.
Какая музыка во всем,
Всем и для всех - не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру - быть бы живу...
Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.
И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.
Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке - инвалид,
И Шостакович - в Ленинграде.

* * *

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.
Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.
Мы недаром присягу давали.
За собою мосты подрывали,-
Из окопов никто не уйдет.
Недолет. Перелет. Недолет.
Мы под Колпиным скопом лежим
И дрожим, прокопченные дымом.
Надо все-таки бить по чужим,
А она - по своим, по родимым.
Нас комбаты утешить хотят,
Нас, десантников, армия любит...
По своим артиллерия лупит,-
Лес не рубят, а щепки летят.
1956

РАССВЕТ ЭТОЙ ОСЕНИ

Такой туман без края над полями,
Что можно заблудиться, запропасть.
Шершавый иней пойман тополями
На листья, не успевшие опасть.
Я плохо прежде понимал все это,
Я даром эту благодать имел -
Туманы предосеннего рассвета,
Земной покой на тридевять земель.
Я думал, что не может быть иначе,
Иной представить землю я не мог,
Когда над тихой сестрорецкой дачей
В туман вплетался утренний дымок,
И волны пену на берег кидали,
И с грохотом обрушивались близ
Угластых скал. И в утренние дали
Седые чайки между волн неслись
И, возвращаясь, свежесть приносили
В туманный, сонный, влажный Ленинград.
И не было земной осенней силе
Конца и края, смерти и преград.
К нам нелегко приходит пониманье,
Но эту красоту поймешь вдвойне,
Когда пройдешь в пороховом тумане
Полями в пепле, в свисте и огне.
И станет ясно, что просторы эти
До гроба в плоть и кровь твою вошли,
И ничего прекрасней нет на свете
Рассвета отвоеванной земли.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

... И обращается он к милой:
- Люби меня за то, что силой
И красотой не обделен.
Не обделен, не обездолен,
В поступках - тверд, а в чувствах - волен,
За то, что молод, но умен.
Люби меня за то хотя бы,
За что убогих любят бабы,
Всем сердцем, вопреки уму,-
Люби меня за то хотя бы,
Что некрасивый я и слабый
И не пригодный ни к чему.



Тамара Сологуб-Кримонт прочла свои стихи:
ДВЕ ЛУНЫ

Луна городская, чахоточным ликом
горящая в серо-бетонном окне,
совсем не чета околдованной криком
ночных петухов – деревенской Луне,
молочно- медовой на истинно черном,
не залитом желчью ночных фонарей, -
на небе, навеки с Луной обрученном
дурманом черемух, кадящих елей.
А город забыл, что деревья и травы –
живые, и слышат, и смотрят на нас.
Не зря ведь осине даровано право
на зримую выпуклость множества глаз
за то, что взяла на себя и терпела
(дрожала листвою заломленных рук)
и тяжесть греха, и обвисшего тела
позор покаянных Иудовых мук.
Мы так одиноки, мы ищем, как дети,
защиты на Звездах каких - то иных,

как будто мы, люди, - одни на Планете
и будто сумеем прожить без земных
собратьев, - душистых, лапастых, цветистых,
связавших корнями землистую пыль,
кричащих неслышно дыханием чистым, -
без этого чуда, простого, как быть.
Течением крутит нас век на излучке,
мы тонем, не зная, что рядом – причал,
но если глухие не слышат ни звука,
то это не значит, что крик не звучал,
и это не значит, что не сострадает
нам рядом живущий Зелёный Народ:
древнее, чем мы, заселивший все дали
для нас недоступных широт и долгот,
цветущая раса на нас не похожих,
не познанных нами соседей – землян...
Прислушайся, лесом идущий прохожий,
почувствуй сигналы листвян и травян,
и может, раскроются первопричины
недуга Луны, забытья городов,
где женщины плачут, стреляют мужчины,
и дети стареют у от слёз у гробов.

ПОСЛЕ ОТПУСКА В РОССИИ

Я – как дитя не доносила
до предназначенной поры:
едва вернулась, вновь Россия
зовёт и тянет, как нарыв.
Я лесом всласть не надышалась,
не остудила зной тоски,
и не разжала злая жалость
на сердце жесткие тиски.
Манят, как висельника петли
так и не пройденной тропы,
мечты костров заглохли в пепле,
где нет следов моей стопы.
Так в наш овраг, былём поросший,
за забывкой голубой
я не спустилась. И за рощей
так и не встретилась с тобой.
Зачем во мне заголосила
тоска по родине чужой?
Ведь пятый пункт меня с Россией
кровавой разделил межой.

МОЯ НАДЕЖДА

Ты вновь со мной не спишь бессонной ночью длинной.
Сосок твоей груди алеет, как малина,
и я к нему тянусь горячими губами,
кормилица моя, надежда голубая.
Всю жизнь ты мне поёшь несбыточную песню,
ты в ней мне сладко врешь, но жить с ней интересней.

Питаешь только ты мечту мою шальную.
Живи! Коль ты умрёшь, - и дня не проживу я.

Тамара Сологуб – Кримонт рассказала, что вышел очередной (седьмой) номер международного журнала «Судьбы Холокоста» под ее редакцией. И прочитала стихи на эту тему.

Молюсь за них

Молюсь за тех, кто шел на смерть в атаках,
Молюсь за тех, кто был расстрелян в ярах,
кто умирал в зачумленных бараках,
За молодых молюсь, молюсь за старых,
Молюсь за тяжесть невесомых пеплов,
покрывших ужасом истерзанную землю,
за всех прошедших адское пекло.
Пусть небеса мольбу мою приемлют.
Я вижу омертвевшие ладошки
и детских глаз застывшие кристаллы...
Ни разу «мама» не сказали крошки,
исчезли молча, навсегда истаяв.
Молюсь за тех, кто не успел влюбиться,
за нерождённых, род свой не продливших,
их души, словно огненные птицы,
взывают к памяти и к душам забывших.
А тем, кто глух в незнание благодушном,
напомню, помолясь за них стократно:
о бойне этой знать и помнить нужно,
к забывшим - войны возвращаются обратно.



Леонид Манпель прочёл свой рассказ «Прерванный отпуск» - 1-ая часть



Аркадий Мильгром прочёл «Приходите завтра»



Константин Баскович прочёл свои стихи.



Ефим Ротенштейн прочёл стихи из газеты «Еврейский камертон»